

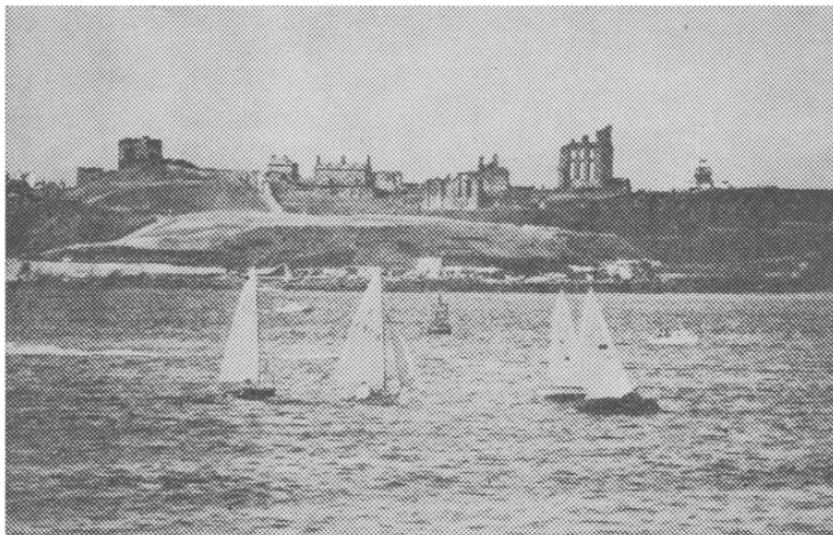
Б И Б Л И О Т Е К А

ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 29 1985

ПОЭТЫ СЕВЕРНОЙ АНГЛИИ

МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 29

ПОЭТЫ СЕВЕРНОЙ АНГЛИИ

Переводы с английского

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1985

Северная Англия. Голубые озера. Зеленые плато меж каменистых холмов и мощных руин древних крепостей. Устремленная высь готика.

Североанглийский пейзаж, его философская трактовка, органная музыка средневековых соборов с ее сложной разнообразной ритмикой органически входят в поэзию этого края. Наиболее характерный пример — стихи мастеров старшего поколения, уроженцев Камберленда, Томаса Блэкберна и Нормана Николсона, а также еще далеко не подошедших к старшему возрасту Дэвида Бернетта и Джона Силкина.

Еще более выявлено своеобразие поэзии Северной Англии в тематике, в сюжетных коллизиях, в жизненном материале, привлекающем поэтов, уроженцев края.

В северных английских графствах, где сложились как личности поэты этого сборника, традиционно развито и хорошо организовано рабочее движение; именно здесь вели известную советским гражданам героическую борьбу за свои жизненные права английские шахтеры.

Современная поэзия Северной Англии подлинно прогрессивна, она проникнута идеями борьбы за мир, за укрепление дружбы между народами разных стран, вниманием к духовным запросам труженика, так называемого простого человека; она отличается также хлесткой издевкой над ханжеством и лицемерием — давними пороками английской знати, пороками, которые не раз бичевали великие английские сатирики...

Особенно сильно звучат мотивы активного противодействия угрозе войны и утверждения справедливости на земле в стихах поэтов, уже не раз побывавших в Советском Союзе, — например, такого уверенного мастера стиха, как Питер Моргимер. И, несмотря на то, что авторы сборника очень различны по масштабу, даже по одаренности, книжка эта являет собой единое целое, отражая духовную атмосферу Северной Англии.

I. РАЗМЫШЛЯЮТ...

Стив УОКЕР

ПО ДОРОГЕ ДОМОЙ ИЗ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Вся их страна — неясная
привычная улыбка огромного лица
с густою бородой серебряных берез, кремлей,
заводов
и полей, никак не меньших Харфордшира.

Британия мала
и схожа с ухмылкой плотно сжатых губ.

Последний поезд мчит меня на Север.
Шотландцы рядом спят, ругаются во сне.
А выглянешь в окно
и жизнь увидишь пред собою, как макет,
построенный на столике ребенка:
пластмассовых людей, их рук застывший взмах —
игрушечному поезду вослед,
что катит по игрушечной стране,
согнувшейся под спудом убеждений
нелепых и закорюченных
(детишки даже верят в них с трудом).
Но убеждения упорно, шаг за шагом захватывают в плен умы
широкой сетью всевозможных обществ,
надменной роскошью, каскадом развлечений,
привычкой комфортабельного быта.
И, вскормленным раздутой фальшью,
уже нам кажется Британия всем миром.
Ну а советские масштабы и просторы —
лишь разыгравшейся фантазией кого-то,
сидящего без дела на курортном пирсе.

БОЛЬНОЙ МАЛЬЧИШКА: ОН КОНЕЙ УСЛЫШАЛ

Больной мальчишка: он коней услышал.
Проснулся рано, захотелось пить.
И вдруг услышал.
— Зачем ты встал?
Пытаешься увидеть? Коней?
Но здесь в стране их больше нет —
ни пастбищ, ни коней
и ни лугов, дымящихся туманом.
Ты понял? Нет их больше.
Чему вас только учат в школе?!
— Ну, призраки тогда!
Коней!
Как цокали — цок-цок — копытами,
и ржали — и-и-и-го-го!
Веселые то иноходью, то галопом мчались, —
я слышал.
— Нет. Никогда.
Все это от таблеток.
Твоей болезни, сумасбродства снов.
— Нет, это кони.
И снова. Завтра.
Вскочу быстрее, чтоб их увидеть.
Людей лишь видеть не хочу!..

БАСТУЮТ ГОРНЯКИ

1. Нет, не во всем мире бывает свет,
а лишь на его поверхности.
В этом году
мы бросаем камни.

2. Пони и конюхи
лежат под рухнувшими сводами.
Они застыли среди застывших камней.

3. А еще глубже — забой.
Пустой.
Но скоро будет полным.
Поганый фиал слез.

4. Шахты!..

Ждет ли нас победа,
ждет ли нас поражение,
многие из них все равно пустыми
останутся.

Но каким бы ни был исход, ни с чем не сравнится
сегодняшний натиск.

Легенды начнут вырастать из легенд.

Кристофер АНДЕРСОН

РАЗМЫШЛЕНИЯ ВО ВРЕМЯ ПРОГУЛКИ ПО МОСКВЕ

Иду по улице я с тысячной толпой,
Но одиночество мне сердце гложет,
Мне кажется, что я в Москве чужой,
Безликий, неприкаянный прохожий.

Я зорко всматриваюсь в лица
И мнения предвзятые и страх
В моей душе меняю на крупичицы
Надежды, что едины мы в мечтах.

Не скрою, у меня иные взгляды
На разные проблемы — их не счесть!
Но вы и я, мы верим свято
В гуманность, справедливость, честь.

И верят,
верят наши дети,
Что правда все-таки сильнее лжи!
За шар земной мы все в ответе,
Мы уничтожить зло должны.

А разобщенность нас погубит.
Отбросив недоверие и страх,
Пожмем друг другу крепко руки,
И пусть земля не превратится в прах!

Иду по улице я с тысячной толпой,
И одиночество уже меня не гложет,
Иду я рядом с вами, вы — со мной.
Единство наше к миру путь проложит.

МАТЬ РОССИЯ

Березы выпрямились, как солдаты,
Под резким ветром дурных вестей.
Вздохнула скорбно мать Россия,
Что было слышно планете всей.
Печальный глас ее был тих,
Казалось, что земля России
Взывала кровью воинов своих,
Надеждами и бедами своими.
Сквозила горечь в ее словах —
Дурные вести не были ей новью:
Не раз ее герои — сыновья
От ран смертельных истекали кровью.
Она поэтому чуть слышно говорила,
Хоть сердце и рука — свинцу под стать,
Хоть в ней победная таилась сила,—
В кулак лишь стоило ей руку сжать.
К призыву мир прислушался тому...
Теперь летит над нею светлый ветер.
Но много бед еще на белом свете!
Лазурную оберегая гладь,
Как прежде начеку Россия мать.

Алан С. БРАУН

ЛЕНИНСКИЙ РАБОЧИЙ КАБИНЕТ В КРЕМЛЕ

Приходят тысячи людей сюда.
И все же горстка нас — в сопоставленьи
С народами Земли, которым Ленин
Откроется в грядущие года.

Особенному зрению поэта
Дано проникнуть в глубь календаря.
Гляжу вокруг, с друзьями говоря
О том, что я душой предвидел это;
О том, что Будущее вижу тут,
В его Кремле, где книги, телефоны,
Стол заурядный под сукном зеленым,
Плетеный стул... Казарменный уют.
Суровый революционный быт.

Но здесь, в трудолюбивой простоте,
Слова и действия рождались те,
В которых пламя вечное горит.

Но здесь просторно сердцу и уму.
Доступен Ленин был. И был велик.
И он хотел, чтоб хоть на краткий миг
Я мысленно приблизился к нему.

Норман НИКОЛСОН

ЕСТЬ ЗДЕСЬ КТО-НИБУДЬ?..

Я к другу пошел под вечер
И в дверь постучал во тьме.
Лишь отзвуки в коридоре —
Никто не ответил мне.

Нет света в окнах фасада.
Я заглянул во двор,
Калитка была открыта —
Я проскользнул, как вор.

Двор, как ущелье без солнца;
Споткнулся об узел корней
Вирджинской густой повилики,
Вырвавшейся из щелей.

На ощупь к окну пробрался,
В оцепененье застыл,
Слабенький отсвет камина
По подоконнику плыл.

Стекла я слегка коснулся:
Быть может, ответит друг?
Но, как золотая рыбка,
Тот отблеск кружил вокруг.

Он просиял вдоль полок,
Книг, неизвестных мне,
Вспыхнул на грампластинке —
Был граммофон на столе.

Я тихую речь услышал,
Мелодии легкий звон:
Две флейты пели дуэтом
И виолончель — им в тон.

Я отступил неслышно,
Я отступил во мрак —
« Не прерывайте их, тише,
В доме — Бах ».

Барри МАКСУИНИ

ПОСЛЕ ПОЖАРА ВО ДВОРЦЕ АРМИИ СПАСЕНИЯ
В НЬЮКАСЛЕ

Они стояли и молча курили спасенные
сырые сигареты и прощались с погибшими
пожитками и над каждым нависло
БЕЗ ПОСТОЯННОГО МЕСТА ЖИТЕЛЬСТВА.

Матрасы сохли в первых лучах
солнца, одеяла свисали с кладбищенской
ограды, вода вперемешку с пеплом
струилась по каменистой насыпи.

Жестянщик, отказавшийся назвать свое имя,
оплакивал гаечный ключ, ножницы
и точильный камень, оставшийся
под тридцатитонной грудой обломков.

Они глядели на воду, стекавшую
по ступеням столовой, и мечтали
о стакане воды.

Каркасы кроватей дымилась, люди
бродили вокруг в чужих обносках,
некоторые нагишом, кутались
в одеяла и насквозь промокшие плащи.

Груда досок напоминала сгоревшее
человечье тело, потом мы узнали:
это был обугленный труп — и подумали,
как похож на сгоревшую груду дерева.

Питер МОРТИМЕР

РЕДАКТОР

Итак, я должен их читать:
Поэмы всей земли.
Домашний монолог помойки,
Мечты служаки о ступеньке высшей.

Похожая на камешек, что может
Вцепиться
в сверхмодерный башмачок.

УБОРЩИК ДЖЕФРИЗ

Уборщик Джеффриз
с ведром и шваброй
моет,
чистит,
скребет
неустанно.

Уборщик Джеффриз
драит
кафель,
окна,
ступени,
перила лестниц
в своих длинных кальсонах.

Уборщик Джеффриз
встает до рассвета,
кашляет,
харкает,
плюется
тоскливо.

Уборщик Джеффриз
на велосипеде
в дождь
рулит по колдобинам,
месит грязь
непрерывно.

Уборщик Джеффриз,
август пришел,
хорошо ты работал,
съездить можешь
на две недельки
в Сент Айвз.

Уборщик Джеффриз,
прошли две недели чуда.

Шляпа,
чемодан,
воскресный билет
оттуда.

Уборщик Джеффриз
с ведром и шваброй
моет,
чистит,
скребет
неустанно.

ПОКОЛЕНИЕ

Он жевал постоянно, не переставая,
пышные белые усы
были словно подкрашены
легкою желтою краскою.
Носки утопив целиком
в шерстяные тапки,
сидел, и молчанье
менялось молчаньем,
лишь чашка порой дребезжала
и нудно стучали часы.
Все те, кто к нему приходил,
торопились уйти.
Я тоже.
Боялся я этой дрожащей
костистой руки,
ко мне протянувшейся
в мареве спертого воздуха.
И мебель, казалось,
устала сама от себя,
и стены — все в мертвых цветах.
Траншей прошел он — о нем говорили —
вернулся живой,
весь во вшах.
Неделями он выбирал их.
Такие, как он,
в старых хрониках-фильмах
махали из окон вагонов,
невест обнимали и жен.

Движенья экранно-спешащие их
казались живыми.
Безумные черные пальцы
мелькали в оборванной ленте. Конец.
В канун Рождества он вмещал себя
в пышное кресло
бывал коронован
безвкусной цветастой бумагой,
и он,
он всем улыбался,
подмигиваньям и поклонам,
надтреснутый голос был глух,
оттого что прошел невозможное.
Крошки висели на длинных усах.
А что о войне? Что о войне?
Хотел я спросить, но молчал
и глядел почему-то,
как жимолость тихо горит,
отражаясь в его голубых
увлажненных глазах.
Я видел лишь старого человека.
Прошло много лет с той поры,
как он умер.
Я редко его вспоминаю.
Над полем
проносится ветер шумящий,
и юноша в поле беспамятно пашет.

ФЕРНИХАУГ — ЧЕМПИОН БЕГА В МЕШКАХ

Единственный раз в году
вся школа о нем узнала.
Фернихауг — чемпион бега в мешках.
Рыжий вихрь на башке,
щеки в рыжем вихре веснушек,
и заика.
Краснея, молча лез он
сквозь семестры;
в числе «и др.».

Он в классе был
ни первым, ни последним,
ни громким драчуном,
ни зыбким интеллектком,
сокрытым втайне до поры.
Могли вы крикнуть: «Здесь!» —
узрев румянца пятна.
На вызов вряд ли он
ответил бы занятно.

Но бесппроблемно был он
массой поглощен, как все невнятное.

Спортивный день настал.
Ночами, по правилам
обернутыми в тряпки,
спокойно влез он в грузовой мешок;
и спотыкающимся лучше всех
и ковыляющим ловчей других
был он.

Коряво прыгал к цели Фернихауг,
в мешке пульсирующим аритмично,
с торчащей над мешком копной волос
и с непреклонным волевым лицом.
Ничто таких не остановит;
как он впитал тогда аплодисменты!
Как он раззявил рот,
восторженно дыханье затая!
Фернихауг чемпион.
Победитель всей школы!
Ого!

А позже, под кивками снисхождения
педагогов,
под вежливым высокомерьем
педагогов
почти не проявил мальчишка
давнишнего неверия в себя;
стоял, переминаясь неуклюже,
свой самый малый ожидая приз.

Все это молча.
Молочник на стол опрокинув,
мазню разводят детишки,
рев; и опять молчанье.
Теперь он сует бумаги
так зло
в потертый портфель,
крошки со рта вытирает.
Невнятное что-то бубнит
про опозданье на службу.
И день твой потянется вяло,
вздохи влача до вечера.

Быть может, домой возвратясь,
не сникнет он старым мешком
у телеэкрана (челюсть отвисла, стеклянный взгляд),
когда за стеной, где кошки шипят на помойках,
есть все-таки прелесть мелодии ночи.
Быть может, он в десять не выключит телевизор,
почесывая брюхо свое,
зевая, лохматый, как леший.
Быть может, предстанет он вновь пред тобой,
как раньше, — как сказочный чародей,
тебя на серебряных крыльях унесший.

Теперь он уходит.
Он чмокает в щеку тебя,
толкает тяжелым плечом
облезшую дверь.
Ушел.

Дэвид БЕРНЕТТ

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ

Что такое жизнь? Песок,
Падающий поток.
Пути,
Которые сам размыкаешь устами.

Что такое смерть? Конец.
Стук гвоздей, забивающих доску.
Посланье,
На которое нет и не будет ответа.

БЛОК

Пережив революцию,
Он ничего не сказал.
Ничего не сказав,
Он сказал кое-что.
Он ничего не сказал превосходно.

Он ничего не сказал и писал.
Смысл того, что он делал, — слова.
Слова были верой, которую он сохранил.
Ничего из того, что он написал, не имело смысла.

Что такое слова?
Рот, ничего не сказавший,
Ничего не сказавшее ничего,
Ничего, говорящее все, что есть.

Однажды они нашли его тело,
Поэму,
Которая больше
Не имела уже никакого значенья,
И молчание, полное смысла.

ОСВЕНЦИМ

Мир — это тюрьма.
Она тянется мили и мили.
Эта тюрьма
Населяет землю.

Земля — могила.
Эта могила — небо.
Это небо
Хоронит мир.

Норман НИКОЛСОН

ЛЕТО В СЕНТ-ЛЮКЕ

Солнце низкое застыло над лугами,
Зашуршали травянистые ковры.

**Нимбы желтые горят над стебельками,
И прозрачными повисли облаками
Одуванчиков воздушные шары.**

**Голый мак своей коробочкою машет
И роняет понемногу семена.
Потемнели лица желтые ромашек,
Кое-где уже сухие листья пляшут,
Как забытые чужие имена.**

**И в душе есть свой октябрь. Среди тумана
Вдруг захочешь докопаться до корней,
Но обрывки слов кружатся неустанно.
Но зерно живой поэзии неожиданно
В душу падает и прорастает в ней.**

НАД КОНИСТОНСКИМ ОЗЕРОМ

**В воде, отлакированной закатом,
Я вижу отражение моего
Лица. Вокруг шныряют
Прозрачно-красные мальки.
То в уши, то в глаза мои ныряют.
А водоросли тянут языки
К лучам, летящим в глубину.
Там, в глубине, глаза мои роняют,
Как слезы, пузырьки.
И эти слезы падают не вниз,
А вверх. Что там еще отражено
В огромном зеркале?
В нем небо-карта, облака-материки,
Гора, из-за которой
Глядит История... Вдруг — ветра торопливое скольжение,
И весь мой облик терпит искажение.
А дрозд поет. Ольховые листки
Плывут, качаясь, как плавучие причалы,
И водяные к ним спешат жуки.
Я терпеливо жду, надеясь без надежды,
Что стоит ветру стихнуть — и тогда
Сумеет отразить вода
Лишь собственную сущность — образ,
Свободный от листвы, от гаснущего дня,
От облаков, от неба, от меня.**

ГОЛОД

Она ступает медленно, сутулится.
Она выходит по утрам на улицу.

Она с любовью дарит хлеб друзьям —
Приветливым и мудрым воробьям.

Что им сутулость, что походка гордая!
От них не скрыть, что и она от голода

Страдает, что, скитаясь меж людьми,
Она изголодалась по любви.

На них она похожа — бессловесная...
Людская речь — для сердца — клетка тесная.

И смотрит ночь, бездонна и черна,
Как умирает медленно она.

Томас БЛЭКБЕРН

ИДТИ ПО КУРСУ

Как странно, за спиной пространство,
А путь дальнейший связан властно
Лишь с камнями, с песком, что здесь
Являют целой жизни вес;
Но должен ли мир странствий многих
Быть подчинен одной дороге?

Дивлюсь — с тех пор, как нет заборов
Для странствий, для блужданья взоров,
Я вижу только данный путь,
Не мыслю в сторону свернуть;
Быть может, я — пигмей по росту,
Как на дороге гравий острый?

Когда-то путники спешили
К любой заоблачной вершине.
Однако все исканья там
Вели к истоженным местам.
Вернешься ты, как ни юли,
К себе, к булыжникам в пыли;

Чуждаюсь тропок перевитых
В ярко-зеленых лабиринтах,
Боюсь, что, как вошел туда,
Уже не выйдешь никогда.
И станет вдвое тяжелей
Долг пред дорогою моей.

Не только отличаюсь ныне
Я сам от неотступных линий
Дороги жесткой под ногой,
Нет, я сейчас совсем другой,
Возникший здесь, за шагом шаг.
В моей душе зажжен очаг

Любви и гнева, что созвали
Нас для похода к дальней дали.
Быть может, там, мечтатель старый,
Смогу я вникнуть в тайну жара,
Что жжет, спасая и губя,
Понять других, понять себя

Ясней, чем здесь, когда загадка
Пути трясет, как лихорадка.
И, если нами правит рок,
Смягчить бы я утраты смог
Спокойствием поры предзимней,
Когда на камнях легкий иней.

Приснилось мне, что путь мой длинный
Тропинкой стал к плите могильной
Над речкой, где со мною рядом
Был мальчик, умоляя взглядом,
Чтоб я, поняв значенье просьбы,
Его за речку перенес бы.

Склонился я, как в покаянье
И взял ребенка — достоянье,
Мной обретенное в тот миг.
И стал я светел и велик:
Шагаю в утренних лучах,
Неся дорогу на плечах.

НА ЗАРЕ

Знаком ли вам тот миг, когда, раздвинув шторы,
Вы видите, что мир многообразней стал,
Так, словно сбросили туман просторы
Земные, красок обнажив накал.

Тот миг, вслед за работой до рассвета,
Когда из мглы прорвется птичий хор
И будет трелями заря воспета
Морозам и дождям наперекор.

Брожу с моей собакой ранней ранью,
Деревья выявляются уже
Из мглы и как бы снова в кущах рая
Надежда выявляется в душе.

Нет, не мечта о выдвигенье скором,
Ни даже о содружестве сердец —
Надежда быть движением, в котором
Понятий нет «начало» и «конец».

Я слышал, как раздвинул птичьи трели
Полет стрелоподобный лебедей.
Они к озерам Ричмонда летели
От мутной Темзы, родины своей.

Они, белея в ясной высоте,
В нови красноречивой бытия,
Слова, казалось, созидали те,
Которых до сих пор не ведал я.

II. ЛЮБЯТ...

Барри МАКСУИНИ

МЫ

Мы счищаем кожуру с яблок,
мы пьем апельсиновый сок,
мы сидим на скамейке,
мы заходим в кафе
выпить кофе,

слушаем жаворонка,
майского жаворонка,
мы прикасаемся друг
к другу,
мы ныряем в водовороты
любви, —
мы знаем —
есть что-то очень значительное
в самых простых делах.

ДЕРЕВО

Октябрь.
Стальные руки облаков
вычерпывают солнце;
тропинки
покрыты коричневой
и желтой листвой.
А на воде вдоль берега
широкая стальная полоса,
глядящая на небо
лисьими глазами.

Надолго
застыл замерзший воздух,
и дерево прекрасное
надолго
замерзло и застыло.

Дэвид БЕРНЕТТ

ПОЮЩАЯ ПТИЦА

Поющая птица,
и голос ее
всегда
и повсюду
звучит, как вода среди листьев.

Там, где свет и вода
друг для друга поют,
он присутствует
неизменно,
этот не знающий устали,
не подверженный ржавчине
голос.

В СЕРЕДИНЕ НОЧИ

Облокотившись неловко, прищурясь,
Ты сонно глядишь сквозь меня,
Не проснувшись еще, неуверенно и неудобно,
Девочка без притворства и слов.
Словно мы никогда с тобой не были близки.
Ты думаешь:
И где твое платье?
И где оно, сердце мужчины?
И сколько ты выпила, словно ребенок считаешь.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

В час, когда, когда разбужен ад:
И ключи веков в замках звенят,
И каштан измотан, как канат,
И сухой листвой засыпан сад,
Прислонись ко мне тогда.

В час, когда, когда сломалась ель
И сорвала буря дверь с петель
И все окна вышибла потом,
И над старым дубом грянул гром,
Обними меня тогда.

В час, когда, когда прибой высок
И швыряет камни на песок,
И с размаха падает звезда,
И у птицы больше нет гнезда,
На плече моем усни тогда.

ШАГИ НА ЛЕСТНИЦЕ

Предрешенного ливня пора,
Входят мифы осенние в тишь
Дома, где шелестит мошкара
Да скребется под полом мышь.

Поступь женщины чудится — нет,
Нет уже ее поступи тут.
То к двери подошел наш сосед,
Но он знал, что его не ждут.

Вновь слышались чьи-то шаги,
Где-то рядом, в тумане сыром.
И, хоть не было видно ни зги,
Тень былого проникла в дом.

И позвали меня за порог
Вихри ливня, сверкнув, как ножи,
Мне внушив, что на стыке дорог
Ты от страха дрожишь.

За порогом черны небеса,
И листва за порогом черна.
Только ветры да ливни в лесах,
Перепутаница одна.

Я стоял за порогом, дрожа
От пустой суеты,
И в покинутый дом убежал
От иной пустоты.

ПАНТЕРА

Суший пустяк.
Отенок горчицы,
Леность осанки,
Масленный взгляд
Желтых глаз.

Тени и свет,
Но выразительный свет,
Сверкающий беспокойно,
Мятущийся свет
С именем странным.

Солнечный луч
Свился петлей,
Прыгнул на сук,
Закрутился спиралью
В опрокинутом мире.

Взмахом хвоста
Брошены в чащу
Солнца витки,
Осторожная лапа,
Многообразье примет.

Алан С. БРАУН

ВОСХОДЯЩИЙ К ВЕРШИНАМ

«Мне нужны топи, высоты и безлюдные плато севера».
Артур Гибсон

Край вереска. Рассвета синева.
Ты гром вложил в тяжелые слова.
Сильнее, чем камней замшелых глас,
Они задели за живое нас.

Мы на тебя глядели снизу вверх.
Безумно струны времени рвались.
В тумане скалы были вроде вех.
Ты шаг за шагом поднимался ввысь.

Переживет тебя навал ветров,
Безмолвье черное, слепящее глаза,
Голубизна разорванных шатров
Небесных. Ясной мудрости краса.

Тебе наградой будет краткий миг
Сознания, что вершины ты достиг.

БЕСЕДОВАЛИ КОНИ

Сидя в «Желтом Седле» —
Сигарета в зубах,—
Два коня говорят
О прошедших бегах.
Полуночный Танцор
Начинает рассказ,
Как повсюду за ним
Смертный следовал час.

— Я скакал в тот сезон восемь раз,
Восемь раз ото всех отставал,
Хоть жокей у меня экстра-класс,
Да и тренер в копеечку встал.

Новых скачек приблизился срок,
Тренер грустно качал головой:
«Не добьешься победы, дружок,
Сдать придется тебя на убой».

...Вот и финиш мелькнул впереди,
Я же снова последним иду.
Вдруг застыло дыханье в груди,
Боль пронзила на полном скаку.

Словно кто-то меня подменил,
Я второе дыханье нашел
И, рванувшись вперед, что есть сил,
На полкорпуса всех обошел.

— Бывают ведь такие совпадения! —
Второй воскликнул удивленно конь.—
Ты можешь мне, конечно, не поверить,
Но то же самое произошло со мной.

Пес, сидевший в углу,
Обратился к друзьям:

— Ваш рассказ, я клянусь,
Точно списан с меня.
Удивился Танцор:
— Посмотри, чудеса!
Никогда не встречал
Говорящего пса!

ЛЮБОВНОЕ ПОСЛАНИЕ ЧИНОВНИКА

Касательно наших свиданий,
Служивших предметом страданий
В равной мере обоих супругов.
Отныне сообщить Вам могу я
Об имевшей место законной сепарации
По причине нетерпимой ситуации
В супружестве. С изъятием намеренным
Каких-либо проспектов к примирению.
А посему первичные переговоры
Возможность обрели реализации.
Но если неприемлемы они для Вас, ответьте
В приложенном оплаченном конверте.
Однако в силе сказанное ранее:
Я Вас люблю и так далее, и так далее.

МЕЧТЫ

Сгущают сумерки теней покров,
А в парке трое бывших горняков
Беседуют о жизни, о друзьях,
О проведенных в шахте темных днях;
О том, как пили пиво и вино,
О том, что время умирать пришло.

Мик первый делится своей мечтой,
Как вечный обрести ему покой:
«Я думаю купить мотоциклет,
Пивка глотнуть и так помчаться, чтоб,
Смахнув с дороги телеграфный столб,
Закончить жизнь под восемьдесят лет».

Вступает в разговор Альфред:
«Мне восемьдесят восемь лет.
Я космонавтом стать мечтаю.
Умчался бы тогда к Луне
И жизнь свою окончил в вышине —
Ведь там немного ближе к раю».

Сидел и слушал терпеливо Билл,
Пока его черед не наступил.
Сказал он: «Не терплю большие скорости.
Когда тебе сто первый год,
Забавою не кажется полет,
Пускай меня застрелит муж любовницы».

Джон ОРЛ

ИСПОВЕДЬ СТАРОГО УЧИТЕЛЯ

Всегда со всем на свете жил
Я в мире и гармонии,
И с ярким солнцем я дружил
И с необъятным морем.
Как восторгался я всегда
Любым наземным жителем!
Да, вот таким я был, когда
Не стал еще учителем.

Бумага, я привык считать,
Дана нам для искусства,
Но факт, что можно ей... пулять,
Развеял эти чувства.
Я верил: в детях спит Рембрандт,—
Твердил о том родителям.
Да! Так я полагал, когда
Не стал еще учителем.

Я верил: голос мой, как гром,
Что обуздать смогу толпу,
Что добротой и умом
К сердцам найду тропу.
Иль этих черт я не имел?
Иль детям не постичь их?
Но был задорен я и смел,
Пока не стал учителем.

Я грамотно всегда писал,
Знал времена и лица,
Пока же я преподавал,
Сей опыт испарился.
«Ашипка счас, лаская взор
Мне служит исцилителем».
И так писал с тех самых пор,
Как стал я быть учителем.

Да, я теперь совсем не тот,
Каким я был когда-то,
И мною можно вымыть пол —
Характер стал, как вата,
От философии моей
Свихнулся бы мыслитель.
Не личность я, не супермен.
Короче, я учитель!

Но, дети, возвращаясь в класс,
Не смейтесь надо мною:
«Мешок костей встречает нас!
Как! Все еще живой он?»

Поверьте, класс мне стал родным.
И сколько ни язвите,
Я не сумею стать иным —
Я старый ваш учитель.

Питер МОРТИМЕР

ЛЮБОВНИК

Гляжу
на яркий рот,
губы влажные властны.
Я вижу изящество линии
шеи белой; и в повороте
округлость плеча.
Гляжу на полушария груди,
что для меня налились силой.
И чувствую коленом
теплую нежность ее бедра.
С дыханием духов слилось
сиянье мягкое волос,
в котором игра светотени.

Утром я замечаю
визгливый смех;
и что белье — не белый снег.
И что окурки сигарет
она швыряет на паркет.
Я вижу бурое пятно
на коже плеча.
Пятно, где торчит волосок.

Ну, чего изрекает эта прекрасная дама:
Ну, чего?

Дэвид БЕРНЕТТ

ОТВЕТ

Угас восторга пыл,
И нет былых огней,
Лишь ржавчина да пыль
В жильё души моей.

Жильё без очага —
Вместилище тоски,
Где зря оберегал
Я светлые ростки.

Уныл, неряшлив, хмур,
Навал забытых драм,
Бессмысленный сумбур,
Необъяснимый хлам.

А не смогу ли я,
Надев спецовку,
Проворотить уборку
Моего жилья?

СО Д Е Р Ж А Н И Е

ПОЭТЫ СЕВЕРНОЙ АНГЛИИ

I. РАЗМЫШЛЯЮТ...

СТИВ УОКЕР

- По дороге домой из Советского Союза. *Перевела Светлана Прохорова* 3
- Больной мальчишка: он коней услышал. *Перевела Светлана Прохорова* 4
- Бастуют горняки. *Перевел Александр Казарновский* 4

КРИСТОФЕР АНДЕРСОН

- Размышления во время прогулки по Москве. *Перевела Светлана Прохорова* 5
- Мать Россия. *Перевела Светлана Прохорова* 6

АЛАН С. БРАУН

- Ленинский рабочий кабинет в Кремле. *Перевела Екатерина Шевелева* 6

НОРМАН НИКОЛСОН

- Есть здесь кто-нибудь?.. 7

БАРРИ МАКСУИНИ

- После пожара во дворце Армии спасения в Ньюкасле. *Перевел Александр Казарновский* 8

ПИТЕР МОРТИМЕР

- Редактор. *Перевела Екатерина Шевелева* 8
- Уборщик Джеффриз. *Перевела Светлана Прохорова* 10
- Поколение. *Перевела Лариса Васильева* 11
- Ферникауг — чемпион бега в мешках. *Перевела Екатерина Шевелева* 12
- Безумная Джиллиан. *Перевела Екатерина Шевелева* 14
- Повседневность. *Перевела Екатерина Шевелева* 14

ДЭВИД БЕРНЕТТ

- Жизнь и смерть. *Перевела Маргарита Алигер* 15
- Блок. *Перевела Маргарита Алигер* 16
- Освенцим. *Перевела Маргарита Алигер* 16

НОРМАН НИКОЛСОН

Лето в Сент-Люке. <i>Перевел Александр Казарновский</i>	16
Над Конистонским озером. <i>Перевел Александр Казарновский</i>	17

ДЖОН СИЛКИН

Голод. <i>Перевел Александр Казарновский</i>	18
--	----

ТОМАС БЛЭКБЕРН

Идти по курсу. <i>Перевела Екатерина Шевелева</i>	18
На заре. <i>Перевела Екатерина Шевелева</i>	20

II. ЛЮБЯТ...

БАРРИ МАКСУИНИ

Мы. <i>Перевел Александр Казарновский</i>	20
Дерево. <i>Перевел Александр Казарновский</i>	21

ДЭВИД БЕРНЕТТ

Поющая птица. <i>Перевела Маргарита Алигер</i>	21
В середине ночи. <i>Перевела Маргарита Алигер</i>	22
Колыбельная. <i>Перевела Екатерина Шевелева</i>	22
Шаги на лестнице. <i>Перевела Екатерина Шевелева</i>	23
Пантера. <i>Перевела Екатерина Шевелева</i>	23

АЛАН С. БРАУН

Восходящий к вершинам. <i>Перевела Екатерина Шевелева</i>	24
---	----

III. СМЕЮТСЯ...

ДЕИВ ОЛТОН

Беседовали кони. <i>Перевела Светлана Прохорова</i>	25
Любовное послание чиновника. <i>Перевела Светлана Прохорова</i>	26
Мечты. <i>Перевела Светлана Прохорова</i>	26

ДЖОН ОРЛ

Исповедь старого учителя. <i>Перевела Светлана Прохорова</i>	27
--	----

ПИТЕР МОРТИМЕР

Любовник. <i>Перевела Екатерина Шевелева</i>	28
--	----

ДЭВИД БЕРНЕТТ

Ответ. <i>Перевела Екатерина Шевелева</i>	29
---	----

ПОЭТЫ СЕВЕРНОЙ АНГЛИИ

Редактор М. М. Жигалова

Технический редактор О.Н. Ласточкина

Сдано в набор 24.04.85. Подписано к печати 21.06.85. А 00371. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага газетная. Гарнитура «Школьная». Офсетная печать. Усл. печ. л. 1,40. Учетно-изд. л. 1,57. Усл. кр.-отт. 1,58. Тираж 85 000 экз. Изд. № 1642. Заказ № 681. Цена 15 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

ОБМЕН—ВМЕСТО РЕМОНТА

Если наручные часы или будильник вышли из строя, не обязательно ждать, пока их отремонтируют.

В мастерской ремонта бытовой техники можно обменять неисправные часы отечественных марок, выпущенные не более 10 лет назад, на заранее отремонтированные.

При обмене оплачивается лишь стоимость общего ремонта и деталей внешнего оформления.

Росбытреклама